

0: ЕЖИ ГЕДРОЙЦ: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Начав упорядочивать свои мысли о Ежи Гедройце, я вдруг подумала: с кем его можно сравнить в российской культурной и политической жизни? И оказалось, что в России нет такого явления, каким был он — Гедройц. Можно, конечно, напрячь воображение и придумать некое среднее арифметическое — из Солженицына, Твардовского, Максимова, Синявского... Но личности, которая бы воплощала в себе и мыслителя, и редактора, и человека с политическим видением, и организатора оппозиционной элиты, и учителя новых поколений, и архитектора новой внешней политики, в России так и не появилось. Впрочем, вряд ли можно найти такую личность и в других странах. Он был уникальным для нашего времени человеком. По своему интеллектуальному потенциалу, масштабу видения и той энергии, с которой он десятилетия воплощал свое видение, — это, несомненно, был человек Возрождения, непонятно какими судьбами занесенный в наше странное время, в котором скорее доминируют и чувствуют себя уютно прагматики и те, кто приспосабливается к реальности, а не пытается ее переделывать.

Я не претендую на глубокое знание явления, которым был Ежи Гедройц. Но даже весьма поверхностного взгляда на его жизнь, вернее на его жизненный подвиг, достаточно для того, чтобы выразить удивление и восхищение самим фактом возможности жить и сделать прорыв сразу в нескольких измерениях. Возможно, даже скорее вероятно, я повторяю то, что уже сказали много раз до меня и еще скажут после меня. Но меня поражает именно его способность мыслить и действовать в «разных эшелонах». Вот только основные интеллектуальные и политические прорывы этого человека. Он работал над антикоммунистическим по своей сути катехизисом нравственного и политического поведения. Он стал живым критерием того, что нравственно, а что нет. Фактически своей жизнью Гедройц предложил пример альтернативного мышления в ситуации государственного давления. И в этом его вклад не только в европейскую интеллектуальную мысль, но и в размышления об общественной трансформации тоталитарного общества.

Гедройц предлагал отказаться от привычных стереотипов в мышлении. Именно он дал пример, как нужно освободиться от мифов, которые наслоились в отношениях между поляками, украинцами, литовцами, русскими. Он сумел если не консолидировать то, что, казалось, невозможно сплотить, — эмигрантскую оппозицию, то по крайней мере облегчить ей достижение единого понимания основных истин. Что уже не мало. Он создал интеллектуальную среду и политические критерии для формирования института польской оппозиции.

Гедройц, наконец, предложил совершенно новое видение международных отношений и нового европейского порядка. В чем оно состояло? Да в том, что он призвал поляков (и не только их) признать право украинцев на самостоятельное государство. И сделал это тогда, когда польское общество было не готово отказаться от идеи Великой Польши. Независимая Украина означала и проговоренную таким образом идею неизбежности распада СССР — мысль, долгие десятилетия совершенно абсурдную даже для большинства критиков СССР и советских диссидентов. Но именно это и означала идея независимости Украины. Да, эта идея казалась не просто идеализмом. Это была сумасбродная фантастика — даже еще в 1980-е годы. Но оказалось, что Гедройц был большим провидцем, чем многие политики и политические лидеры. Он предвидел то, что казалось невозможным, и размышлял о новой Европе до того, как французы и немцы начали мечтать о европейской общности.

Вы мне напомните, что он создал такой институт, как парижская «Культура». Я не забываю об этом. Упомяну и публикации книг, которые стали вкладом в культурную жизнь европейского, не только польского общества. Но все же «Культура», думаю, была для него скорее инструментом реализации его Трансформационного Проекта.

Гедройц учил не бояться большинства и не опасаться общепринятых истин. Как-то выступая в Москве перед русской интеллигенцией, Адам Михник вспоминал: «Ежи Гедройц сказал мне однажды: “Не бойся. Иди против большинства. Иди против стереотипов, против табу. В первую минуту ты получишь все дерьмо страны. Но потом они, может быть, увидят, что ты серьезно, и начнут тебя уважать”». Не все, правда, имеют мужество следовать такому совету.

Гедройц был велик еще и потому, что вокруг него концентрировались, собирались великие люди. Как хорошо бы нам их внести в российский культурный и политический контекст. Чего только стоит имя Юзефа Чапского, который принадлежит и русской культуре и истории, хотя бы благодаря своей встрече с Анной Ахматовой. Без

Гедройца не было бы, возможно, и Чеслава Милоша, которому он весьма помог на начальных этапах эмиграции. И это особое качество великого человека — его способность помочь другому гению. А вот еще одно имя: Юлиуш Меровский, вместе с которым Гедройц сформулировал свое новое видение не просто внешней политики Польши, но и нового типа международных отношений, которые включали независимую Украину, Белоруссию и Литву.

Удивительно, но это был человек не только идей и прозрений. Он был человек, который знал, как их осуществлять. Он знал, как организовать диалог между теми, кто не понимал друг друга. Консолидация польского диссидентства и оппозиции за рубежами Польши — это его заслуга. Он же показал пример, как можно объединиться советскому диссидентству и опять таки вокруг печатного органа, которым стал «Континент». Именно Гедройц и его «Культура» помогали Максиму начать издание «Континента» и формировать его базу поддержки и аудиторию. Поляки учили советских диссидентов тому, как создавать институты влияния.

Я помню, как мы, студенты МГИМО, получали допуск в спецхран Института общественных наук для того, чтобы прийти первыми и сесть читать «Континент». Это было тогда наше окно в большой и другой мир. Тогда в тамошнем «спецхране» не получали парижскую «Культуру». Но именно из «Континента» я лично узнала и о парижской «Культуре», и о Гедройце. Для российского диссидентского движения именно «Культура» была примером для подражания и доказательством того, что невозможное возможно, в частности, сотрудничество между разными группами оппозиции.

Удивительно, как Гедройц актуален сегодня. Возможно, он сам не хотел бы оставаться таким актуальным. Ведь этот факт означает, что не все проблемы, которые он пытался решить, решены.

Давайте поразмышляем, в чем Гедройц остается современным. Он боролся с комплексами и в первую очередь с подозрительностью в отношениях между поляками и русскими. Между тем, их взаимная нелюбовь была сильна не только во времена Пушкина и Достоевского. Приведу известные слова Милоша, который констатировал: «Поляки и русские друг друга не любят. Точней, испытывают друг к другу самые разные неприязненные чувства от презрения до ненависти, что, впрочем, не исключает какой-то непонятной взаимной тяги, всегда, тем не менее, окрашенной недоверием».

Можно ли считать, что проблема этой, казалось бы, хронической взаимной «нелюбви» решена? Можно ли со спокойной совестью сказать: «Мы доверяем другу, и у нас больше нет подозрительности в отношении друг друга. Мы покончили со своей взаимной предубежденностью»? Во многом благодаря Гедройцу и его «школе» два общества начали преодолевать свои предубеждения. Так и хочется сказать: преодолели! Но думаю, что пока оптимизм был бы преждевременен. И причина тому — не только исторические корни и драматическая судьба Польши, ответственность за которую несет Россия. Сохраняется политический, а если точнее, системный фактор, который разделяет две нации. Он сводится к тому, что Россия и Польша упорядочивают себя на основе разных принципов. Россия всё еще строит себя через единовластие. Польша выбрала другие принципы государственного устройства и отношений между властью и обществом. Между обществами, которые смотрят на мир через разную систему критериев и ценностей, не может быть единодушия и единомыслия и, конечно же, полного доверия.

Понаблюдайте за российской политической «элитой». Она всё еще пытается найти обоснование для монополии на власть, и это обоснование ей видится в первую очередь в поиске врага либо по крайней мере аллерега. Польша всегда была среди первых кандидатов на эту роль. «Ну что вы преувеличиваете, — скажет читатель, в том числе и среди польской аудитории. — Вы что, не видите национального примирения поляков и россиян после последней катынской трагедии?!» Да, нужно отдать должное российским лидерам: когда уже в 2010 г. вблизи Смоленска, почти там же, где произошла первая катынская трагедия, погиб польский президент и немалая часть польской элиты, они нашли нужные слова и сделали в отношении Польши необходимые жесты. «Наши сердца дрогнули», — писали тогда известные польские публицисты. Это ведь до какой степени враждебности можно было дойти в наших отношениях, если нормальные слова соболезнования были восприняты как поворот в отношениях! Что же, можно только радоваться тому, что началось потепление в российско-польских отношениях. И если польская элита и польское общество удовлетворены жестами российской стороны, что же, так тому и быть! Но лично для меня, как и для многих других российских либералов, этих жестов российской власти недостаточно для того, чтобы мы поверили, что отношения России и Польши будут впредь безоблачны. Сохранение в России персоналистской власти означает, что всегда могут появиться поводы для напряженности со страной, которая избрала иной способ жизни.

Поэтому и сегодня востребована миссия «Новой Польши» и ее главного редактора Ежи Помяновского, которые продолжают дело своего предшественника — Ежи Гедройца. В нашем коллективном сознании еще остались стереотипы, с которыми приходится спорить и которые еще предстоит выкорчевывать. Самое главное —

сохраняются объективные обстоятельства, которые могут возродить и даже усилить наши предубеждения в отношении друг друга.

Еще одно измерение в видении Гедройца, которое остается сегодня актуальным, — это его отношение к Украине. Его новая «восточная политика» Польши имела значение не только для сферы международных отношений. Независимая и свободная Украина означала и конец традиционной советской империи, а следовательно, трансформацию России. Словом, Украина была ключом не только к решению проблем новой Польши. Украина в восприятии Гедройца, насколько я понимаю, была и одним из решающих факторов для преобразования СССР. Эти мысли десятки лет тому назад были революционными. Они сохраняют свое значение и сегодня. Почему? Да потому, что, к сожалению, посткоммунистическая Россия так и не смогла выбраться из своей исторической западни. Российская верхушка видит сохранение сфер привилегированных интересов в качестве одной из основных опор своей матрицы. В свою очередь Украина остается по существу ядром этой матрицы. Да, именно Украина как «колыбель» российского государства, как не устают повторять российские традиционалисты. Украина до сих пор воспринимается как часть российской «галактики». Украина — это «не государство вовсе», убеждал Владимир Путин тогдашнего американского президента Буша-младшего в 2008 г. в Бухаресте. Соглашусь с Ежи Помяновским: «Без Украины империи не будет, а эксгумация империи — это самое страшное, что грозит нам с востока».

Именно на Украине и на своем отношении к украинской независимости ломаются многие российские мыслители и даже либералы. Так что если идея независимой Украины была в свое время важна для самоопределения поляков, то теперь эта же идея исключительно важна для поиска своей новой идентичности россиянами.

Кстати, именно Гедройц, как говорят в своих воспоминаниях многие советские диссиденты, учил их интересоваться украинской культурой и политической мыслью. Он начал их приучать к тому, что украинцы — это самостоятельная нация со своей историей и собственной драмой. «Континент» из всех диссидентских изданий первым поставил вопрос о независимости Украины. И, боюсь ошибиться, но кажется, почти уверена, что Максимов и его коллеги это сделали не без влияния Гедройца. В те времена многие даже среди демократически настроенной интеллигенции в СССР и мысли не допускали о возможности существования независимой Украины.

Благодаря Ежи Гедройцу и его «кружку» уже в 1970-е гг. (и даже несколько ранее) между польскими и советскими диссидентами возникла доверительная общность, которая позволила им пережить периоды подозрительности между Польшей и Россией. Такие люди, как Виктор Некрасов, Александр Галич, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Андрей Синявский, Иосиф Бродский, Владимир Максимов с российской стороны и Ежи Гедройц и его соратники, в первую очередь Юзеф Чапский и Густав Герлинг-Грудзинский, создавали доверие и взаимопонимание между русской и польской интеллигенцией, которые стали их принципом и кредо.

Сегодня России так и не удалось закрыть последнюю главу своего прошлого — мы всё еще там застряли. Страна оказалась не просто в тупике. Понимание тупика содержит в себе и возможность поисков выхода! Россия же оказалась в состоянии паралича — ни вперед, ни назад. Большинство общества не хочет и дальше скатываться к тоталитарному состоянию. В свою очередь верхи не могут вернуть туда Россию — даже если бы и очень того захотели. Но нет и интеллектуального ресурса, а главное — мужества для движения вперед. В этой ситуации огромное значение приобретает работа мысли и существование тех, кто готов доказывать обществу и власти необходимость прорыва к новым правилам жизни и предлагать им пути этого прорыва. Это именно то, что делал Ежи Гедройц для будущего Польши. И именно здесь есть поле для нового сотрудничества польской и российской интеллигенции. Поляки, которые уже прошли трудный путь «возвращения в Европу» и усвоения либеральных стандартов, могут помочь своим российским коллегам в их проектной деятельности. «Мы это сделали, и мы это делали вот так! Здесь мы совершили ошибку — попытайтесь ее не повторить!» — вот что могут сказать нам польские коллеги. Опыт восточно-европейской трансформации исключительно важен для российского пути в Европу. Я уверена, что диалог поляков и россиян о трансформации — это как раз и есть нынешнее воплощение «парадигмы» Ежи Гедройца.

Автор — политолог, член научного совета Московского Центра Карнеги.

1: «КУЛЬТУРА» С УКРАИНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Автор этих строк не намеревался писать ни воспоминания о первых знакомствах украинских читателей с парижской «Культурой», ни историю влияния этого журнала на украинское освободительное движение. Очевидно, диссиденты 60-80-х годов могли бы рассказать много интересного о влиянии «Культуры» на их

мировоззрение, о формировании политической культуры украинской демократии во взаимодействии с польским движением. Не берусь давать общую оценку, осмелюсь только сказать, что в украинских условиях советских времен осмыслить общую линию «Культуры» было в лучшем случае намного тяжелее, чем в Польше. Эмигрантская печать поступала на Украину подпольным путем редко и фрагментарно, тогда как в Польше «Культуру» можно было читать в Национальной библиотеке, в университетских библиотеках и в других местах. На Украине же это была подпольная литература. В Варшаве Максиму Рыльскому, члену украинской делегации писателей, польские коллеги показали «Расстрелянное возрождение», оставив его в комнате одного; когда хозяин вернулся в комнату, Рыльский листал книгу и плакал. Парижская «Культура» действительно создавала в Польше духовную атмосферу, выделяла ключевые проблемы политики и мировоззрения, вокруг которых разгорались дискуссии. Украинское общество восприняло проблематику «Культуры» в целом с большим опозданием. Но от этого переосмысление действительности не стало ни поверхностным, ни менее точным. Наоборот, благодаря идеям, на которых основывалась политическая линия «Культуры», многие актуальные и неразрешимые проблемы уже не польской, а украинской действительности теперь становятся более понятными и выразительными.

И, наверное, первый вопрос, который появился после знакомства с изданием Гедройца: почему «Культура»? Почему, скажем, не «Политика» — тем более что так назывался журнал, который Ежи Гедройц издавал до войны? По содержанию «Культура» была именно общественно-политическим печатным органом, не похожим на многочисленные «художественно-литературные и общественно-политические журналы», к которым привык советский читатель. В «Культуре» печатались и художественные произведения, и рецензии, в частности журнал внимательно следил за литературой украинских «шестидесятников», но все это освещалось с какой-то невероятно широкой точки зрения. Это была настоящая политика, но не в плане подчинения культурной жизни определенной политической силе, а то, что можно назвать формированием *новой политической культуры*.

Особенно полно это отразилось в знаменитой дискуссия 1952-1953 годов, которую открыла статья Юзефа Маевского о восточных границах Польши. Сама лишь попытка критического размышления над довоенными государственными границами, как известно, вызвала враждебность значительной части польской эмиграции, в том числе и читателей «Культуры», что отразилось и на тираже журнала. С точки зрения украинского читателя, тот факт, что часть патриотических польских кругов решительно отвергала мысль об «украинском Львове» и «литовском Вильнюсе» — даже тогда, когда после войны прошло семь лет и статус западных земель Украины юридически и фактически был вне сомнений, — воспринимался в лучшем случае как недоразумение. Даже теперь определенная консервативная часть польского общества оценивает национальное партизанское движение на западе Украины как обыкновенный бандитизм лишь на том основании, что если игнорировать договор Молотова—Риббентропа, то по крайней мере до момента подписания договоров между правительством СССР и люблинским коммунистическим правительством, западноукраинские земли юридически входили в состав Речи Посполитой и любое вооруженное противостояние польской власти воспринималось как незаконное.

Казалось бы, сегодня дискуссия о восточных границах Польши представляет только исторический интерес: вопрос границ давно стал обычным и неоспоримым. Может казаться курьезным, что поляки так упрямо отказывались признать очевидное. Впрочем, позиция автора вышеупомянутой статьи, свящ. Ю.Маевского, была поддержана редакцией журнала и стала его официальной позицией, а со временем победила и в общественном мнении, чтобы наконец превратиться в позицию дипломатии польского государства. Однако попробуем оставаться лишь на юридической почве.

Украинское общество — как в советской республике, так и в эмиграции — преимущественно воспринимало пересмотр границ в 1939 г. не как результат договора нацистской Германии с коммунистической Россией, а как исправление исторической несправедливости и нечто само собой разумеющееся. Между тем, изменение государственных границ принадлежит к самым чувствительным правовым актам, в демократических конституциях оно как правило требует особых, т.н. ратификационных референдумов и по меньшей мере не может рассматриваться как обычный административный акт. Пока оно не вступит в действие согласно законам государства, никакая политическая сила не может ставить под сомнение территориальную целостность этого государства, в том числе и его границы. Государственная граница — признак политической нации.

Восточная граница Польши была установлена на основании Рижского договора, заключенного Польской Республикой и РСФСР. С юридической точки зрения, только международный акт аналогичной силы может быть противопоставлен договору о границах, который подытожил результат польско-советской войны. Изменение границ, которое привело к включению западноукраинских земель в состав СССР, было результатом так называемого пакта Молотова—Риббентропа, который расценивается международным сообществом как сговор двух диктаторов — Сталина и Гитлера и впоследствии не мог быть признан ни юридическим, ни моральным основанием включения западноукраинских земель в состав СССР (в административном отношении — в состав

УССР). Впрочем, Рижский договор тоже не стал торжеством исторической справедливости, а был обусловлен конкретными историческими обстоятельствами, которые привели к военному поражению Красной армии.

Возвращение к оценке сговора Сталина с Гитлером накануне войны имело значительные общеполитические последствия. В качестве курьеза можно напомнить конфликт в верхах КПСС, вызванный первой попыткой пересмотра правового значения договоров 1939 г. комиссией Яковлева во времена перестройки. Один из консервативных партийных деятелей предупреждал тогда Горбачева и горбачевское руководство, что непризнание договоров 1939 г. может привести к ряду последствий и завершится отказом от Переяславского договора 1654 г., согласно которому Украина стала частью России. Тогда предупреждение простодушного сталиниста казалось смешным, но пересмотр всех договоренностей о статусе республик СССР, в том числе об их границах, в конце концов действительно привел к независимости Украины. Чтобы остаться на позиции «объединения» или «воссоединения украинских земель» и не защищать постыдных договоров 1939 г., следует апеллировать к Ялтинским договорам и тому подобным вещам, самим по себе довольно сомнительным.

Мы должны признать, что с точки зрения высокой теории включение западноукраинских земель в состав подсоветской Украины можно оценивать неоднозначно. Это не нарушает политической целесообразности акта воссоединения и его соответствия историческим чаяниям украинского народа. Нельзя игнорировать тот факт, что весь процесс изменения границ в направлении объединения украинских земель, занявший не менее трехсот лет, проходил под эгидой России.

Если вернуться к истории основополагающих правовых актов, которые формировали современную территорию Украины, то мы увидим немало обстоятельств, не особо приятных для украинского патриота. И определение территории так называемой Гетманщины, и разделы Польши, которые включили украинское Правобережье в состав Российской империи, насильственно присоединив его к этнической территории Украины, не могут быть оценены как акты высокой политической морали, скорее они выглядят экспансией России в западном направлении, которая естественно увенчалась договором Молотова—Риббентропа.

Эти обстоятельства давно описаны в литературе, и выдающийся украинский политический мыслитель XIX века Михаил Драгоманов подчеркнул историческое противоречие процесса формирования этой геополитической единицы, называемой Украиной. По мнению Драгоманова, естественными направлениями продвижения границ российского государства, которые отвечали потокам миграции российского населения, были восток и север. На запад потоки российской колонизации не были направлены, тем не менее энергичнее всего Российская Империя продвигалась на запад и на юг. Драгоманов мотивировал это, в частности, тем, что соседи России, в том числе Украина, находились под давлением своих западных и южных соседей — в случае Украины это были прежде всего Речь Посполитая и Османская Империя. Это приводило к пророссийской ориентации местных политических сил Украины, а также карпатского и придунайского региона, Балкан и христианского Закавказья — ориентации, которой Россия воспользовалась в полной мере.

Это объясняет и балканскую и кавказскую политику России, и наличие пророссийских сил на Украине, поддержка которых — начиная с Богдана Хмельницкого, со времен религиозных войн вплоть до галицийского москвофильства XIX-XX вв., — была по крайней мере одним из факторов, руководивших территориальными устремлениями Российской Империи в западном и южном направлениях. Речь идет об ожиданиях, которые быстро сменялись разочарованиями, но и эти ожидания следует учесть, когда мы оцениваем факты изменения границ.

Однако главное в позиции «Культуры» относительно польско-украинской границы заключалось не в самой по себе новой оценке территориальных изменений в результате II Мировой войны. Подводя итоги дискуссии, редакция «Культуры» выразила готовность принять такую линию границы, которая бы предельно отвечала свободно и демократически выраженным чаяниям населения, живущего в зоне межнациональных конфликтов. Как конкретно должен быть организован процесс решения территориальных споров, журнал не уточнял, но настаивал на том, что процедура должна быть демократической.

Но за спорами о границах стоит более важный вопрос — вопрос о национальном суверенитете Украины. Рижский договор, который определял границу между Речью Посполитой и Советской Россией, не учитывал существования Украины как нации, ее не спрашивали, согласна ли она войти в состав той или иной страны. Конфигурация государственных границ стала последствием военной удачи — не будем вдаваться в вопрос о том, насколько это было разыграно волею случайностей в той кровавой игре, которую называют войной, а насколько стало проявлением исторической необходимости. Фактом остается, что на послевоенной политической карте мира не существовало страны «Украины», хотя существовало правительство УНР в изгнании и правительство советской Украины, которая поначалу формально считалась независимой «советской социалистической республики», находящейся в союзных отношениях с другими «ССР», в том числе с Российской Федерацией.

Признавая ту или иную линию границы между Польшей и Украиной, политик прежде всего признаёт Украину как субъект межгосударственных правовых отношений, т.е. как государство. И только тогда возникает вопрос о легитимизации, об оценке законности социального института.

В то время, когда формировалась «Культура», Украина была фактически административной единицей, т.е. провинцией, тоталитарного сверхгосударства СССР, но существование такой отдельной провинции основывалось на историко-этнографической реальности украинской нации. Формально УССР являлась частью СССР как «украинское советское государство», связанное с другими советскими странами «союзным договором». Воспоминание о «союзном договоре» как о части конституции появилось еще в первой конституции Союза ССР, но вскоре о договоре «забыли» — хотя его и не отменили, что впоследствии было юридическим основанием выхода Украины и других «союзных республик» из состава СССР в памятный 1991 году. Тем не менее, строго говоря, страны «Украины» в 1921-1991 гг. не существовало. Это значит, что не было также и политической нации «украинцев». Это дает основание некоторым авторам использовать слово «украинцы» исключительно в кавычках, чтобы подчеркнуть отсутствие юридических оснований отделения определенной части населения на этнически украинской территории в *политическую* нацию украинцев. Складывается парадоксальная ситуация: существование либо отсутствие украинской нации с юридической и политической точки зрения зависит от государственного статуса территории, а политическая нация украинцев возникает и перестает существовать эпизодически, в зависимости от военно-политических факторов.

В социологической литературе эта проблема отражена в работах Тенниса (Toennies). Теннис различал нацию как *общность* и нацию как *общество* (соответственно *die Gesellschaft* и *die Gemeinschaft* либо в англоязычной литературе — *community* и *society*); первая — это совокупность социальных единиц, вторая — целостность, культурное единство, можно даже сказать ментальность, составляющая основу организованного общества. Нация как культурно-политическое общество существует и тогда, когда вследствие насилия утрачена ее политическая организация, когда нет государственной национальной структуры, но есть культурная целостность, то, что называют *польским, украинским, русским* и т.д. *духом*.

Великой заслугой журнала «Культура» и непосредственно Ежи Гедройца было то, что они открыли историческое значение той эпохи, которую сегодня единогласно называют «расстрелянным возрождением», для утверждения современного «украинского духа».

В поисках основ национальной культурной целостности-*общества* принято обращаться к культурным традициям, к глубинным этническим корням национальной культуры. Это свойственно романтическому мировоззрению, особенно в XIX веке. Такая связь с этнокультурными истоками автоматически ведет к ориентации на сельские культурные традиции, а тем самым — к противопоставлению западноевропейского и восточноевропейского культурных и политических регионов. Народнически-крестьянская культурная ориентация свойственна именно востоку Европы, особенно безгосударственным народам, которые только восстанавливают свое национальное самосознание.

Будучи сторонником польско-украинского сближения, Гедройц желал как можно шире знакомить польское общество с украинской культурой. Однако с этой целью он обратился не к фольклорно-этнографическому наследию, не к казацкой романтике, которая могла бы найти поддержку в «хлопоманской» украинофильской традиции польской культуры, а к вполне современным культурным формам. Не кому иному как Гедройцу принадлежит счастливая мысль создать антологию украинской литературы 20-х годов, эпохи т.н. украинизации, которая дала примеры высокого творчества, ориентированного на европейские достижения. С этой мыслью он обратился к Юрию Шевелеву, который рекомендовал ему малоизвестного за пределами украинской эмигрантской среды литератора Юрия Лавриненка, и тот проделал всю работу составителя. Так появилась антология с бессмертным названием «Расстрелянное возрождение» — названием, которое в одночасье стало эмоционально мобилизующим и научно обоснованным термином и сыграло самостоятельную роль в становлении украинского политического и национально-культурного самосознания.

Роль термина, или, лучше сказать, идеи «расстрелянного возрождения» заключалась не только в том, что он открывал в истории украинской культуры целую эпоху прорыва к высочайшим мировым культурным вершинам и выводил Украину из круга национальных сообществ, которые держатся лишь благодаря твердой ориентации на традиции прошлого. Идея антологии возникла у Гедройца осенью 1957 г. под влиянием волны «ревизионизма», вызванного докладом Хрущева на XX съезде КПСС и особенно польских и венгерских событий осени 1956 г., о чем он сам говорил. В этих событиях в роли основного противника коммунистических диктатур выступали т.н. ревизионистские элементы коммунистических кругов — те молодые политические силы, которые пересматривали антидемократические начала партийно-бюрократических режимов, державшихся всё более лишь благодаря вооруженному насилию.

В среде антикоммунистической эмиграции, которая всё больше возлагала надежды на вооруженный конфликт между Западом и СССР, ориентация на мирное перерождение коммунистического режима в общество с западной системой ценностей не была популярна. Продemonстрировать не только культурную, но и политическую эволюцию Украины в период, как он сам определял, «национального коммунизма», было для Гедройца возможностью убедить общество в необходимости поддержать, казалось бы, слабые силы, которые созревали за «железным занавесом», как трава под асфальтом — бледная и немощная, но способная наконец пробить какую угодно кору наслоений. Насколько тяжело прививалась эта идея, свидетельствуют слова Гедройца о том, что он начал дело издания «Расстрелянного возрождения» «вопреки всем».

Действительность подтвердила глубокую верность ориентации на внутренние силы общества, казалось бы, безнадежно скованного жесткими рамками коммунистического режима. В конце концов не антикоммунистическое подполье, а поиски «истинного социализма» размывали тоталитарную твердыню и привели к развалу режима. В отличие от «первой перестройки» — т.н. нэпа и «правого уклона», в том числе и «украинизации», от ранних попыток вырваться из объятий кровавой диктатуры, горбачевская «перестройка» проложила путь к демократизации посттоталитарного общества и развитию независимых стран на развалинах СССР.

Перед журналом «Культура» встала нелегкая задача привлечь к сотрудничеству украинские политические и литературные силы. Речь шла, естественно, о диаспоре, поскольку глубинные течения общественной мысли подсоветской Украины были парижскому журналу практически недоступны. Первые контакты молодого Гедройца, сторонника «прометеизма» Пилсудского, с украинскими силами естественно вели в политические круги, связанные с окружением Симона Петлюры. Когда же сложилась политическая линия «Культуры», Гедройц особенно интенсивно сотрудничал с журналистом Богданом Осадчуком, советологом Борисом Левицким, историком Иваном Лысяком-Рудницким и другими деятелями левого, либерально-демократического направления. Однако несмотря на идейную близость к демократическому крылу эмиграции Гедройц поддерживал отношения и с другими украинскими кругами, в том числе с радикальным националистом Дмитрием Донцовым. Характерно, что Гедройц сотрудничал с идеологом национализма Донцовым, а не с практиками-подпольщиками из ОУН(Б) и ОУН(М) [бандеровцами и мельниковцами]. В 1940-е — в начале 1950-х за ОУН стояли, как казалось, реальные военно-политические силы на Украине — военное поражение УПА стало очевидным лишь где-то к 1951 году. Впрочем, в воображении людей, которые лучше разбирались в украинских проблемах, антикоммунистическим подпольем руководил Украинский главный освободительный совет, стоявший в оппозиции к Степану Бандере, который полностью контролировал только зарубежное представительство ОУН (так называемые Зарубежные части).

Позиции Гедройца не всегда устраивали его украинских политических единомышленников, что приводило к досадным конфликтам. Особенно характерными были, пожалуй, недоразумения, связанные с отношениями с русской эмиграцией и с бывшими «дивизионщиками» из украинских частей СС. На этом стоит остановиться, так как современная украинская национально ориентированная политическая среда не всегда, по-моему, способна проявлять в отношении к историческому наследию такую принципиальность, какая была свойственна наиболее политически культурным слоям как украинской, так и польской эмиграции. Недоразумение с Осадчуком было, по мнению Гедройца, вызвано бескомпромиссным отношением украинского журналиста к русской эмиграции. Политическую работу против СССР соответствующие службы США рассматривали как работу в «общероссийском» масштабе. Американские власти поддерживали эмигрантские группы во главе с Керенским, Мельгуновым, Николаевским, Алексинским, в прошлом носившие левоцентристский характер. Что же касается национальных групп, прежде всего украинских, то американцы пытались объединить их усилия с русскими на общей либеральной и антикоммунистической платформе. Для украинских же групп — вне зависимости от партийной принадлежности — фундаментальным условием объединения было признание всеми его участниками государственной независимости поработанных народов СССР. Русская эмиграция не спешила признавать требования национальной независимости бывших «национальных окраин» империи. В результате объединение эмигрантских политических сил не было достигнуто. Так, в 1951 г. вместо единого Конгресса поработанных народов состоялось два — один под руководством Керенского, другой — с участием Украинского национального совета, что, правду говоря, крупных последствий не имело. В конце концов «Культура» в мае 1977 г. напечатала заявление по украинскому вопросу, в котором говорилось речь о «демократическом самоопределении» Украины по вопросу независимости. Первой русской группой, которая публично поддержала это заявление «Культуры», была группа новых эмигрантов